

Нелли Портнова
Дневники Аарона Штейнберга
как экзистенциальный текст

1

Замечено: философу Аарону Захаровичу Штейнбергу (1891—1975) «не повезло»: «блестяще образованный, в равной степени свободно владевший семью языками, в равной степени твердо, двумя ногами, стоящий в трех культурах — еврейской, русской и немецкой, ученый по складу ума и души, он явно претендовал на место среди выдающихся мыслителей своего времени»¹, но не занял его. Сам Штейнберг в конце жизни вспоминал: «Когда он услышал мое определение сути метафизики — «Все или ничто», Разумник сказал: «Так вот вы чем занимаете нашу молодежь — всем и ничем?» Замечу, что сказал я это за двадцать лет до того, как появилась книга Сартра «L'Être et le Néant». <...> «Критику чистого разума» я уже тогда толковал в стиле и духе того направления, которое получило впоследствии название экзистенциализма. Десять лет спустя с этим согласился Карл Ясперс, который *независимо от меня* пришел к тому же мнению. Ведь мы были последователями одной и той же философской школы»². Яркое представление о месте Штейнберга в фило-

---

© Nelli Portnova, 2010

© TSQ 33. Summer 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Финкельштейн Эйтан. Невезение Аарона Штейнберга. Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание. Айхштетт. № 1, 2005.

² А. З. Штейнберг. Литературный архипелаг, Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Портновой и В. Хазана. М. НЛО. 2009. С. 126.

софско-художественном движении XX века дают его дневники.

Они опубликованы до сих пор лишь в нескольких отрывках³ — это 22 разного формата блокнотов, с четырехлетним перерывом (Петроград 1918—1922), писались в течение более 60 лет. Они отличаются не только от публичных дневников современников: „Литературного дневника“ З. Н. Гиппиус, „Дневника журналиста“ С. Н. Южакова, „Дневника публициста“ Н. А. Бердяева, „Дневника писателя“ А. Белого, „Дневника политика“ П. Б. Струве, но и от дневников философов: «Метафизических дневников» Габриэля Оноре Марселя (1889—1973) и дневников оберэута Якова Друскина (1902—1980), записывавшего свои мысли, дабы уберечь их от хаоса и абсурда жизни, от дневниковых записей А. Ф. Лосева или М. Мамардашвили, доверявших бумаге спонтанные мысли, а собственно философские обобщения предназначавших для печати.

2

«Революции 1905 г., — писал Штейнберг, — наряду с Войной, предназначено было определить характернейшие извилины в течение моей жизни»⁴. В ее «таинственно-страшной и феерически-увлекательной реальности», которая «захватывала дух», обнаружили аналитические склонности мальчика: «бесстрастный наблюдатель во мне зарегистрировал: ты не годишься ни в марксисты, ни в революционеры — сиди дома! «Не хочу сидеть дома!» — отозвался ослабевшими голосом двойничок мой — «деятель»⁵. Выделение мысли в

---

³ Нелли Портнова. На «тропе философов». По страницам германских дневников Аарона Штейнберга. Евреи в культуре Зарубежья. Иерусалим. 2008. С. 45—58.

⁴ Архипелаг» (или «К Архипелагу начала века»). Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection, P/159. Box VII. Далее дневники и тексты А.Штейнберга цитируются по оригиналам, хранящимся в этом архиве.

⁵ Там же.

себе как объекта, то есть способность к диалогизированию, продолжилось и тогда, когда пришло время строить мировоззрение, в Гейдельбергском университете. Этот процесс прослеживается на судьбе дневников. Самые первые блокноты записывались в 1907 г., когда А. Штейнберг впервые появился в немецком городке, еще не окончив гимназию; то были длинные чувствительные исповеди подростка. В следующем году, когда он вернулся, чтобы поступить сразу на два факультета, философии и права, они показали автору глупыми: «Решил сегодня предать уничтожению свои старые бумаги, дневники и прочую гадость» ⁶, но не совсем: из старых записей сделал «конспект»: приемлемые места закавычил, превратив в цитаты, будучи уверен, что прошедшее неотменяемо. Так была заложена основа «романа о себе» — не наблюдения над динамикой изменений, как в европейском романе воспитания, но диалог с собой во времени. Подневные записи обрастали замечаниями на полях, сделанными позже, над текстом возвышался взгляд другого, более зрелого человека, над ним — следующего и т. д. так до конца жизни — дневник превращался в палимпсест. В конце 3-го Дневника замечание: «А снова перечитал ее целиком в *эти последние дни в Лондоне*». И, как всегда, адрес и дата по еврейскому календарю: NW3. ETON P Place, ETON College Road, Telef. 722-9311. 42 ле Омер = Шиша Шавуот».

Штейнберг не просто учился у глав баденской школы неокантианства и очень быстро продвигался в мировой философии⁷; не просто воспринял максимализм и универсализм немецкой школы — он принимал на себя обеты: спасти философией человечество («Поистине дух мой отвечает мировым струнам. Я должен строить целое мироздание. Я знаю этот трепет в душе моей: в ней рождается целый мир». 3.Ш.1917), для чего служить лишь «любимейшей Даме Философии», освободиться от природных и социальных

---

⁶ Вох VIII—IX.

⁷ О себе знаю одно: хочу תלמוד וללמוד. Бог даст! 1/Х.1911 (Учиться и учиться, иврит).

условностей, Время от времени он проверяет, не сошел ли с пути: «Прочитал на днях эту тетрадку от начала. Скоро три года, как я от поры до времени к ней возвращаюсь и, несмотря на все события, я ясно вижу, что я — один и тот же». 2.IV.1913. Рядом с героем — «деятелем» стоит «наблюдатель» — скептик, который то сомневается в достижениях пишущего, иронизирует над ним.

Своими учителями в философии А. Штейнберг называл Платона и Парменида, творцов учения об идеях и целостности; чуть позже пришел Гегель, с его мыслью о непрерывности развития. Гейдельбергские дневники отразили работу по приведению внешнего разнообразия жизни к внутреннему единству. После путешествия в Италию он записал: «10.V.1911. Меня не столько интересовала Италия, сколько то, как я к ней отнесусь, три недели я жил согласно своей философии и убедился, что она нуждается в поправках. Мир «внутренний» не равен миру «внешнему». Я жил только в объектах. Только искусством и красотой новой для меня жизни и чувствовал, что так жить — значить разложиться. Я живо чувствовал, что теряю свое единство. Что мир раздробился».

Глобальная цель — строительство личности философа-мыслителя — сказывается в отборе материала. В самом успешном 1911 году состоялись многочисленные дебюты в ведущих философских журналах и поездка на Философский конгресс в качестве корреспондента «Русской мысли», встречи с В. Брюсовым и Львом Шестовым. Описание визита к метру символизма передано очень лаконично, а инициатива перевести сочинения русского философа, чтобы распространить его идеи в Европе, опущена совсем, ибо оказывалась на периферии, а не в центре намерений автора дневников.

Функциональное значение дневников проявилось и в таком «кризисном» случае, как роман с Эсфирью Эльяшевой-Гурлянд, сестрой матери. Юноша, поклявшийся в невозможности для себя «пошлой» плотской любви, увлекается впервые. 17.X.1912. «Сердце мое рвется к философии — от Э. получил совсем нежные письма, и я тоже пишу ей совсем

нежно: мы очень, очень любим друг друга». Это чувство «меня возвышает и делает равнодушным к трудностям свободно избранной чистой жизни...». Через три года, когда они разведены пространственно, вся история переписывается в блокнот заново — совершенно иначе: Любовь для него «не страсть и не порыв. И не безумие. И не эстетика или красота. Любовь от рождения Слова. В любви я возвращаюсь туда, откуда пришел в грехопадении природном. Это стремление не рождать и творить, а стремление не быть сотворенным и рожденным». 25.I.1917.

Во время войны дневники изменились; в них появляются внешние события, которые раньше не считались достойными внимания, как и пятеро друзей, с которыми он закрыт в германской деревне Раппенау. «29 февраля 1916. Эти дни прошли целиком за Платоном, теорией научного познания и бомбардировкой Verdun'a. Боже мой, сколько в мире простоты и тревожащей сложности!». Система не является, но он терпелив. «Мои мысли о себе и вокруг себя не должны пропадать даром для меня самого. Единство и непрерывность развития, которые я чувствую, я хочу для себя самого превратить в осязаемый психологический факт».

3

В послереволюционном Петрограде дневников Штейнберг не писал. Зараженный энергией «скифов» и потянувшихся к знанию масс, он верит в возможность превращения политической революции в духовную, впервые почувствовал себя в ладу с самим собой; «деятель» и «наблюдатель», видимо, пришли к согласию. Самый яркий пример этого — знаменательный доклад «Достоевский-философ» на двух вечерах перед слушателями Вольфилы (16 и 23 октября 1921 г.) Строительство свободного сознания человека — не только своего, но вместе с другими, для всех, с другой стороны — очевидная огромная дистанция между идеалом свободы и реалиями большевистской революции — выливается в экста-

тический призыв: «...сконструировать свое сознание так, чтобы можно было жить, чтобы мир мог существовать» <...>. Иначе — «мы просто не будем».⁸

В берлинской эмиграции (1922—1934) вернулась ответственность одиночки. «Я теперь совсем еще не знаю, как и что будет дальше. Ничего не понимаю, и надо, как будто, начинать с самого начала. А как за это приняться?»⁹ Растерянность вылилась в дневниках 1923 г.: в Гейдельберге, куда он поехал, чтобы прийти в себя, Штейнберг настраивает себя к изменениям: «прочь от горизонтали...», пишет в стиле литературной исповеди, напоминающей Ф. Кафку и А. Белого. Он признается в литературном соблазне: «открываю тетрадку и начинаю из нее мастерить книжку<...> Пусть это действительно будет «книга» (24.V.1923).

Но это короткое время; в Берлине, столице эмиграции, всё меняется. Штейнберг входит в различные круги интеллигенции, русской, немецко-еврейской и русско-еврейской, работает очень много: пишет, читает лекции, переводит, встречается с людьми. Но какое это имеет отношение к главной цели? Снова приходится раздваиваться. «Деятель» холодно фиксирует события, «людизм» вокруг, «наблюдатель» оценивает его со стороны, постоянно держа перед собой планку неиспользованного предназначения. Вот два примера такого разделенного существования:

1. С четверга на пятницу, 2.X.1931. С утра звонил Weissbarth, занес г-же Nothmann рукопись. Краткий Дубнов. Синагога. Поездка в Zehlendorf: Ис[аак] А., Эсф[ирь], Ада, нрзб, Weissb[arth]. Обратнo. На W. Steinberg'e — Вместе. Rom. Café: Те же + Ю. Д. Бруцкус, Я. Д. Лещинский, И. М. Чериковер, Гитерман, Оскар Норвежский (Картожинский), Д. Б. Чарный. Долго болтали с Бруц[кусом]. Обратнo — на идиш с Чарн[ым]. Если эти шесть строк высечь на граните, дню моему будет достойный памятник.

⁸ Стенограмма доклада. Вох. VIIа.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 474. № 296. Л. 6—7 об. Отрывок из этого письма приводился в кн.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 330.

2. Среда, 21-го вечер. Октябрь 1931. Вернулся усталым и после синагоги и обеда уже только монологизировал вслух о своей философской судьбе. Несомненно, что я зарыл ценное в землю. Вижу больше средних умозрителей, даже с «большим» именем, но молчу и бездействую. Пора! Пора!».

4

В лондонской эмиграции вновь выверяется логия «путешествия». С одной стороны, высшая цель, система, все еще не построена. С другой, Штейнберг, занятый в многочисленных научно-просветительских и общественных ролях («не буду перечислять «пьесы», в которых выступал в эти семь недель»), занимаясь спасением еврейской культуры как Директор Департамента культуры Всемирного Еврейского Конгресса и его представитель в ЮНЕСКО, он утверждает свои философские идеи: единства, множества и непрерывности. О себе он может сказать: «Полагаю по-прежнему, что состою на службе у еврейского народа». Иницилируя новые издания на идиш, одновременно читая лекции о Достоевском в лондонском Пушкинском клубе, он надеется, что верен себе — русскому еврею и европейскому интеллектуалу: «Где моя жизнь и где не моя? Входит ли еврейский народ в мою жизнь или я в его? Входит ли Россия в мою жизнь или я лишь ее изгнанник? Ношу ли я в себе живую связь с родом, человечеством?». Так была достигнута идентичность экзистенциалиста, который умеет жить без дилеммы общего и индивидуального.

Дневники подтверждают самому себе непреходящую ценность своей личности, своего индивидуального выбора; это достижение ему так важно, что недостаточно собственно перечитывания дневников, и к их просматриванию он привлекает жену Софью Владимировну (которая, однако, он признавался, не любила эту процедуру) и близкого друга Фанни Каплан: «показывал Ф. 20.VII.69». В будущем, проговаривается он, может явиться некий гипотетический читатель:

«книга эта останется только для тех, кому она действительно нужна, как мне».

Так, дневники выполняют две задачи: фиксируют живое и неповторимое состояние человека, открытого любым возможностям, накапливают и хранят его экзистенциальный опыт и становятся сложным многоступенчатым текстом о Мыслителе, который с каждым годом все успешнее занимается мыслью, представляя ее в пластических фигурах: «спираль», «туннель», «движущаяся платформа». То и дело появляются философские обобщения, которым место и не в дневнике: «случайные записи» о бытии и времени, о единстве личности и мира, их целостности, о работе с мыслью, более похожие на дневники философа.

5

А. Штейнберг всегда знал, как важно записывать. «Очень хочу писать, записывать, не давать чувствам и мыслям проходить безусловно в мире вещественном» (23.X.1949), но сдерживал себя, считая, что публичность несовместима с «чистой философией». Это не касалось очерков-портретов, которые он пишет и печатает на нескольких языках с охотой, передавая в них философско-онтологические идеи¹⁰.

Начиная с середины 60-х гг. А. Штейнберг приступил к подведению итогов: собирая воедино свои философские сочинения в переводе на английский язык, сочинив еще одну

---

¹⁰ Мин двинскер хавер Шлема **Михоилс**. Ди голдене кейт. 1962, № 43. С. 142—152; «Мой двоюродный брат Самуил» Архив еврейской истории. Том 2. М. 2005. 66—81; Ицхак Нахман Штейнбергс киндер-ун юнгст ёрн (1888—1914). Ицхак Нахман Штейнберг. Дер менш. Зайн ворт. Зайн ойфту. 1888—1957. Нью-Йорк, 1961. С. 21—73.; Аделе, майн брудерс кинд. Ойфн Швел, Нью-Йорк. 1957. №№ 1—2, 3—4, 9—10. Не опубликованными остаются: воспоминания ««К Архипелагу Начала Века», неоконченный роман «Во рву гибельном» и повесть о графологе «История одного открытия» (под псевдонимом А. З. Берг).

книгу о Достоевском¹¹ и начав работу над воспоминаниями. Его философская концепция: «три взаимосвязанные измерения, существующие в человеческом сознании: единства, множества и единства многообразия»¹² — многократно были популяризированы в научных и критических произведениях, пришло время выразить не идеи уже, но сам экзистенциальный опыт. В составе подневных записей, среди обычного течения времени, как внезапное озарение, появляются рефлексии на определенную тему. Вот как начинается фрагмент «О зависти».

«Настоящая! Глубоко в Эдуле!¹³ Значит май-сентябрь. 10 pm 14 на 15 сентября 70 г. Едем дальше, как ни в чем не бывало. Сколько пережито и передумано за эти четыре с половиною месяца — не перечислить, не обобщить<...> «еду дальше», но вместе с тем, остаюсь ближе к собственному прошлому со всеми его закоулками и прибаутками. А широчайший интерес к мимотекущему почти не ослабевает. Как тут справиться? Возобновляю запись по принципу «как попало». Картины прошлого, встающие в памяти, портреты друзей, реплики переходят в главную иллюстрацию темы — историю «бедной Шурочки» (Александры Лазаревны Векслер), шумевшую долго в эмиграции, расколовшую окружение философа на два лагеря. «А в среду, 9 февраля, продолжение такое. В Берлине туда-сюда начинается психоанализ, и мое значение тает. «Он живет с тобой?» — спрашивает обо мне Яков Львович Тейтель, который сразу переходит на «ты» с особами прекрасного пола. — «Вовсе нет...» — «Я так и думал, — продолжает седовласый благодетель, — что он честный человек».

---

¹¹ Steinberg A. History as Experience: Aspects of Historical Thought – Universal und Jewish: Selected Essays and Studies. N.Y. 1983; Dostoevsky by A. Steinberg. London, 1966.

¹² В. Г. Белоус. Вольфила или кризис культуры в зеркале общественного самосознания. С.-Петербург. 2007. С. 322.

¹³ Эдул — двенадцатый месяц еврейского календаря, длится 29 дней, последний месяц перед Новым годом, когда принято вставать ежедневно до зари и читать молитвы слухот (прощения).

В плотном дневниковом контексте рождаются рефлексии на такие важные темы, как цельность современного человека. Чтобы проверить, как сохраняется его единство в потоке времени и в социуме, не отрываясь от будней (перед сном, после потока ежедневных встреч, разговоров, занятий в Британском музее и т. д.), Штейнберг приступает к «инвентаризации», составляет оригинальные «Списки» (20 января 1965 г.).¹⁴ Это занятие напоминало систематизацию заповедей (или грехов) в иудаизме. Чередование списков спонтанно: 1. дар предсказания, 2. «творческие замыслы», 3. печатные работы; 4. «начинания и предприятия», 5. «вопрос женский» (только упоминается), 6. «дела, проведенные» в ВЕК'е. Список родных, друзей и знакомых автор старательно восстанавливает как модель единства многообразного и самобытного — в памяти, в нем самом.

В любом случае, когда создаются такие сгустки рефлексии на тему, сохранялась датировка, которая подчеркивала наличие последующих прочтений, живое дыхание внелитературного «существования». Текст появляется в промежутке между документальностью и вымыслом.

Наиболее парадоксален текст «Letters to Mrs S. Steinberg...»¹⁵. Он родился как исповедь сразу же после кончины жены (о чем Штейнберг сообщал Ф. и С. Капланам), но как бы вынут из дневника. Записанный в отдельном блокноте, но тонко подделан под документ, даты в нем поставлены уже после окончания работы. Первый мотив психологического этюда - загадка смерти жены («Сонюрки»), которая, он подозревает, ускорила свою кончину, чтобы не затруднять мужа уходом за ней. Тогда какова же его роль в ее жизни? Автор-герой заново всматривается в ее облик, анализируя ранее не замеченные эпизоды и возможные воздействия. Трагичность не только в уходе Сонюрки, но в невозможности найти

---

¹⁴ «Списки» Аарона Штейнберга. «Параллели». М. 2005. 6/7. С. 173—185.

¹⁵ "Дорогая моя Сонюрочка...". Письма к покойной жене. Публикация, предисловие и комментарий Н. Портновой. «Новый Мир», 2006. № 1. С. 127—141: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/1/aa8.html

полный ответ: «*Послушай*, правильно ли я передаю» — обращается он к покойной. Так возникает второй универсальный мотив — диалог, понимание, который усилен литературным образцом, «Кроткой» Достоевского, хотя этот фон может выглядеть странным, ибо герой последнего — мучитель и истязатель, тогда как пишущий — воплощение любви и нежности. Но одно парадоксально близко к другому.

Выделен из дневника рассказ «Мое грехопадение»¹⁶, но специальные листы, на которые он переписан, озаглавлены «Из дневника 1968 г.».

Все эти 22 истрепанные от бесконечных просматриваний тетрадки — один непрерывный акт духовного сопротивления человека разлому и распаду XX века. В финале своих мемуаров Штейнберг передавал читателям свою веру в дух идеализма, который будет сохранен несмотря ни на что: «Значит, — думал я, сидя в самолете, уносившем меня из Швейцарии, — и это возможно. Шестов — явление безвременья и продукт разложения, но он же и предвестник, и предтеча того, что грядет за веком всечеловеческого кризиса. И идущие на смену нам поколения это чувствуют. Если бы вся его писательская деятельность имела лишь одно это последствие — исцеление одной единственной души, ставшей невинной жертвой всемирного кризиса, — как не признать, что этим одним погашены все недочеты в произведениях и все житейские долги Льва Исааковича. <...> так мог прийти на помощь лишь сын человеческий, облеченный призванием во Имя! Пока я жив, я продолжаю свои беседы с Львом Исааковичем».¹⁷ Сам он вел такие «беседы» во всех словесных жанрах, а в конце начал говорить и на языке экзистенциальной прозы.

---

¹⁶ Аарон Штейнберг. "Грехопадение". Из дневника (1968 год). Публикация, предисловие и комментарий Нелли Портновой «Новый Мир». 2007. №3. Так же выглядит фрагмент «Об иллюзии». Портнова Н. Иллюзия и правда Аарона Штейнберга. К 65-летию С. Ю. Дудакова. История, культура, литература. Иерусалим. 2004. С. 61—69.

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/3/sh13.html

¹⁷ А. З. Штейнберг. Литературный архипелаг. С. 272—273.

Элина Резник
Герменевтика Льва Шестова

Природа слова — один из моментов непостижимого. Слово именуется и одновременно ищет понимания. Словом называют, отличают одно бытие от другого, отчего смысл его не оказывается познанным. Словом художник прокладывает путь к восприятию бессловесного и преграждает его своей концептуальностью.

Каждый созданный текст как документ всегда свидетельствует ценности человека той или иной эпохи. Художественный текст являет самого человека, оказавшегося в истории.

Какова же цель литературного творчества, если событийный сюжет человеческой жизни и есть история, которая, страшась забвения, исчисляется хронологически. В силу каких причин создается авторский текст, и в чем его ценность.

В филологическом и в философском аспекте методология разрешения этих вопросов представляется достаточно изоцированной. Герменевтика Дильтея, Бека, Шпета, Хайдеггера, Гадамера демонстрирует как исследовательскую сплоченность внутри актуального метода, так и множественность его направлений.

Имя Льва Шестова — автора, воплотившего уникальный для философии и филологии способ понимания, не значится в истории герменевтики.

В противовес основному вопросу этого учения: о чем идет речь при понимании текста, положен смысл до текста или лежит в нем — положен вместе с ним, является ли понимание текста истолкованием (*hermeneuein*), или построени-

ем (struere) смысла, и как их различать, Лев Шестов предполагает вопрос непреходящей актуальности.

Достаточно ли образной соразмерности между художественной действительностью и реальностью человеческого существования, чтобы воспринять одно через другое?

Может ли научная герменевтика удовлетворить исконный интерес? Интуитивно предвосхищая отрицательный ответ на этот вопрос, Лев Шестов в отсутствии всякого философского инструментария (за что и был признан «нефилософом») создает собственную исследовательскую целостность. Его метод невозможно признать таковым в терминологическом понимании, но это, бесспорно, метод в своем целеполагании.

В согласии с мыслью Л. Шестова, человек творящий, в отличие от человека живущего — дерзновенный человек. Дерзость его в самом сотворении, в стремлении к началу смысла, значит и сказанное им воплощает вопрошаемое. По свидетельству самого мыслителя «есть разные вещи, о которых человек знает, пока его не начинают или он сам себя не начинает допрашивать» (4, 406). К примеру, что такое свобода или есть ли у человека душа. Из этого следует вывод, что «иной раз неумение ответить на вопрос свидетельствует о знании, а нежелание спрашивать — о близости к истине: но такого заключения никто не делает», не желая смертельно обидеть Сократа, Аристотеля и всех последующих авторов книг «науки о логике», комментирует Шестов. И не всякий вопрос жаждет точного ответа: «Кто спрашивает, который час или каков удельный вес ртути, тому точно нужно и достаточно, чтобы ему определенно ответили. Но кто спрашивает, справедлив ли Бог или бессмертна ли душа, тот хочет совсем другого — ясные отчетливые ответы приводят его в бешенство или отчаяние».

Вопрос писателя, художника, не смотря на то, что он заключен в слове, именно невысказанного, неотчетливого свойства, и чем менее концептуальным прочитывается ответ, тем он совершеннее. Этим художественное сознание и притягивает мыслителя, оно не замыкается на вопросах познания